

Проблемная комиссия «Эпилепсия. Пароксизмальные состояния» РАН
и Министерства здравоохранения Российской Федерации

Российская Противозепилептическая Лига

ЭПИЛЕПСИЯ и пароксизмальные состояния

2018 Том 10 №3

EPILEPSY AND PAROXYZMAL CONDITIONS

ISSN 2077-8333

2018 Vol. 10 №3

www.epilepsia.su

Включен в перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Данная интернет-версия статьи была скачана с сайта www.epilepsia.su. Не предназначено для использования в коммерческих целях. Информацию о репринтах можно получить в редакции. Тел.: +7 (495) 646-54-05, эл. почта: info@irbis-1.ru. Copyright © 2018 Издательство ИРБИС. Все права охраняются.

Памяти Леонида Ростиславовича Зенкова

(10.09.1938-26.02.2012)

Незаметно пролетело 6,5 лет с тех пор, как нашего дорогого друга, ученого с мировым именем, Леонида Ростиславовича Зенкова нет рядом с нами... 10 сентября 2018 г. ему бы исполнилось 80 лет...

Вспоминая о Леониде Ростиславовиче, прежде всего, возникают образы его ярких выступлений на конференциях, пронизанных изяществом, высокой эрудицией, творческим подходом к изложению материала и добротой. Безусловно, многогранный талант, высокий профессионализм и глубокие научные знания являлись основой его личности как ученого, однако именно жизнелюбие, эрудированность, благородство, интеллигентность и человеческая доброта – эти черты характера всегда выступали на передний план. Яркие научные выступления профессора Л. Р. Зенкова никого не оставляли равнодушными.

Великий ученый международного уровня – фраза звучит несколько пафосно, однако это действительно так: практически все неврологии России, особенно выпускники медицинских вузов последних 30 лет, обучались с помощью его руководств по нейрофизиологии и эпилептологии. На его монографиях выросло не одно поколение неврологов не только России, но и всех бывших союзных республик СССР. Научные публикации Леонида Ростиславовича отличались анализом самых современных достижений и одновременно простотой изложения материала. Это происходило благодаря его глубочайшим фундаментальным знаниям и ежедневной кропотливой работе. При подготовке к публикации очередной монографии Леонид Ростиславович любил повторять, что работая с литературой, он делает себе «шпаргалку», которая при накоплении определенного критического объема материала становилась монографией, высоко востребованной врачебной аудиторией.

Последние годы Леонид Ростиславович активно изучал проблему эпилептических энцефалопатий и одним из первых в России поднял и начал творчески разрабатывать данное направление исследований. Также широко известны его публикации по применению новых противосудорожных препаратов.

А доходчивость изложения им сложных нейрофизиологических процессов позволяла глубоко вникнуть в рассматриваемую проблему как читателю монографии, так и обширной аудитории слушателей.

Простым перечислением научных трудов нельзя в полной мере охарактеризовать горизонты его творческой личности. Его научные работы не ограничивались только нейрофизиологией и эпилептологией. Леонид Ростиславович публиковал статьи по динамической психиатрии, изучал вопросы межполушарной асимметрии на примере иконописи.

Леонида Ростиславовича всегда отличала точность формулировок. Во многом это было результатом многолетнего сотрудничества профессора Л. Р. Зенкова с медицинским реферативным журналом. Он был вдохновителем и душой Гурзуфских конференций по нейрофизиологии и эпилептологии, на которые собирались специалисты из всех бывших союзных республик. На конференциях всегда царил творческая атмосфера, обсуждались разнообразные неврологические проблемы.

Мало кто знает, что профессор Л. Р. Зенков как разносторонний, творческий человек был не только поэтом, полиглотом, он хорошо знал историю нашей страны, российский фольклор, мировую историю. Еще в 60-е годы при В. А. Шнайдерове и в 70-е при Ю. А. Сенкевиче он участвовал в съемках нескольких выпусков для популярной телепередачи «Клуба кинопутешествий», был автором ярких четверостиший и палиндромов. Принимая участие в этнографических экспедициях, он старался сохранить наше наследие – копировал пиктограммы и петроглифы в Саянах перед затоплением котловины Саяно-Шушенской ГЭС. Профессор Зенков был собирателем и реставратором икон. Будучи в командировках он старался обязательно посетить художественные галереи и музеи современного искусства.

Заслуги профессора Л. Р. Зенкова были отмечены коллегами не только в России, но и за рубежом: он являлся почетным членом ассоциации врачей нейрофизиологов Казахстана, членом Европейской академии эпилепсии, членом проблемной комиссии

по эпилептологии, членом редакционных советов многих медицинских журналов, в том числе иностранных (*Epileptologia* – главный редактор J. Majkowski). Леонид Ростиславович был почетным членом Польской академии эпилепсии и очень гордился этим. Рассказывал, что в почетные члены их принимали одновременно с Эмилио Перуккой (E. Peggusa – Италия). При всем при этом Леонид Ростиславович был доступен в общении и был крайне непритязателен к бытовым условиям: работая в I Московском медицинском институте им. И. М. Сеченова с 60-х годов, занимал один и тот же кабинет и сидел на одном и том же стуле. Табличка на двери его кабинета была крайне лаконична – *Зенков Л. Р.*

Внезапный уход нашего дорогого Леонида Ростиславовича в самом расцвете творческих возможностей является для всех нас невосполнимой потерей. Многие неврологи продолжают изучать его научные труды и заново открывают для себя все новые уровни познания предмета, различные его аспекты. Нередко мысленно с ним советуемся, представляя, как бы он поступил в той или иной ситуации и какими были бы его аргументы.

С возрастом все глубже и «тоньше» начинаешь понимать глубину фразы Антуана де Сент-Экзюпери: «...о роскоши человеческого общения...», осознаешь, с каким замечательным человеком свела меня работа, обстоятельства, сама жизнь. В настоящем очерке мне хотелось поделиться воспоминаниями различных ситуаций, случившихся с нами в совместных поездках или рассказами самого Леонида Ростиславовича, и, по-возможности, отразить другие грани его разносторонней натуры, его человеческие качества.

В свои многочисленные поездки проф. Зенков обязательно брал с собой словарь, небольшой печатный текст на языке той страны, в которую мы направлялись и географическую карту. Леонид Ростиславович очень любил в самолете сидеть у окна и, если позволяла видимость, сопоставлять картографические линии с реальностью, периодически комментируя, где мы сейчас территориально находимся. За время полета он «освежал» в памяти язык той страны, в которую мы летели и порой этого ему хватало даже для синхронного перевода на русский язык беглой разговорной речи и песен. Однажды в Лиссабоне, возвращаясь в отель, Леонид Ростиславович разговорился с водителем такси и выяснил, что у того была ЧМТ во время службы в армии. Водитель очень обрадовался тому, что иностранец легко говорит на португальском, а когда ему было продекламировано стихотворение, то он пришел в возбуждение и мы были серьезно напуганы той скоростью и лихачеством, с которым нас провезли по городу.

Другая ситуация: при перемещении по северо-восточному Казахстану из одного города в другой, где должна была проходить очередная неврологическая конференция водитель автомобиля пропустил

поворот и автомобиль проехал лишних 100-120 км. Как потом рассказывал Леонид Ростиславович, определенные сомнения возникли у него практически сразу, однако он подумал, что есть более короткая дорога и поэтому не сказал об ошибке, к тому же он сам не был до конца уверен. Начинало темнеть, и Леонид Ростиславович указал на ошибку. После обсуждения ситуации все-таки было принято решение вернуться и Леонид Ростиславович действительно оказался прав. Так, благодаря ему вся группа все-таки, хоть и с большим опозданием, приехала в гостиницу, а не ночевала в автомобиле посреди степи.

Его интерес к путешествиям привел к еще одной странице воспоминаний, когда в начале 90-х годов вместе со своим другом они осуществили осенью (на Адриатике в это время бывают приличные штормы) плавание на байдарке в районе полуострова Халкидики. Добирались в Грецию на автобусе вместе «челноками» (мелкооптовыми торговцами, снабжавшими РФ в лихие девяностые всяким ширпотребом) через Молдавию, Румынию... Кроме того, девяностые годы сами по себе были не спокойными, поэтому предпринять такое путешествие вдвоем было сродни подвигу. Леонид Ростиславович рассказывал о добродушии/добролюбии греков, готовых всегда помочь путникам, а несколько фраз на греческом языке полностью покоряли старожилов. Из особо ярких впечатлений Зенков вспоминал солнечное утро во время полного штиля. Вода в Эгейском море была до того прозрачна, что сидя в байдарке и видя под собой камни, невольно возникало ощущение, что если упасть с байдарки в воду, то можно будет разбиться о камни.

Зачастую возникали веселые ситуации на грани с трагическими. При переходе по Белому морю на рыболовецком траулере во время шторма, когда малогабаритный кораблик швыряло как щепку (килевая и боковая качка) в связи с вестибулярными проявлениями профессор Зенков собирался выйти на палубу, чтобы подышать свежим воздухом, но, как только он открыл дверь из рубки, на него тут же обрушились шквалистый ветер с мощной волной, в результате чего головокружение и тошнота вмиг прекратились. Далее Леонид Ростиславович рассказывал следующее: «... держаться на палубе было практически не за что и чтобы не смыло мощной волной, мне бы пришлось ухватиться за огромные металлические колеса лебедки, которой поднимают рыболовецкий трал на палубу. Но выглянув через несколько минут за дверь рубки, я на месте лебедки увидел только толстую цепь, уходящую в море! Я понял, что держась за лебедку, при ее падении в море естественно я бы не разжал пальцы рук и она бы увлекла меня в морскую пучину. Никто бы даже не заметил моего отсутствия, а температура воды в Белом море даже летом не бывает выше 6-8 С°. Так что даже если бы меня не придавило лебедкой, то больше 10-

15 мин в море мне бы не удалось прожить! Я рассказал штурману о том, что увидел на палубе, на что услышал лаконичный ответ: «То-то я чувствую, сейнер несколько замедлил свой ход, теперь понятно, что это лебедка, волочась по дну, этот ход замедляет». И добавил: «Да у нас такое уже было!» И тут я понял, что к этим словам стали бы добавлять «у нас такое уже было, даже один профессор погиб!»

Случай, который также мог трагически закончиться, произошел с профессором в Крыму. Леонид Ростиславович отлично знал географию и историю Крыма, был душой регулярных Гурзуфских конференций, проходивших по два раза в год в начале лета и осенью. После одного из заседаний было решено поехать на Ай-Петри, а на обратном пути Зенков предложил некоторым участникам спуститься с горы пешком и уже в процессе спуска вспомнил, что с горы лучше бежать, однако грунт местами был скользким и «быстрый спуск» закончился несколькими сломанными ребрами.

Вообще же Гурзуфские конференции с конца 90-х до 2013 г. являлись неофициальными эпилептологическими конгрессами для стран СНГ. Их отличала научная атмосфера, неформальность с возможностью задать вопрос ведущим специалистам, теоретическая и прикладная направленность. И, конечно, вдохновителем и душой этих конференций был Леонид Ростиславович Зенков. Отличительной особенностью Гурзуфских конференций была неформальная атмосфера, когда доклады делались не только признанными лидерами по нейрофизиологии и эпилептологии, но и начинающими исследователями и практикующими врачами. До конференции, на рассвете и ранним утром, можно было заняться рыбалкой, окунуться в Черное море, а после заседаний каждый вечер проводились встречи «за чашкой чая», на которых участники конференции раскрывали свои таланты, главным образом в исполнении бардовской песни. Сам Леонид Ростиславович неоднократно угощал нас жареной ставридой и свежеприготовленными мидиями, которые после их поимки готовились тут же на берегу моря, на листе ржавого железа с использованием минимального огня из 2-4 щепочек, однако эти мидии были необычайно вкусны и многими участниками тех конференций вспоминаются по сей день.

Коллеги по всему миру приглашали его в частные поездки для обмена опытом. Мне запомнились некоторые его рассказы. Так получилось, что Леонид Ростиславович оказался одним из первых людей, кто в первые часы падения Берлинской стены перешел с территории восточного Берлина. Он так описывал это действие: «Ровно в 24.00 пограничники с обеих сторон просто ушли, и толпа тронулась в полном безмолвии через бывшую границу. Все шли буквально в гробовом молчании, были слышны только шаги...»

Около месяца он гостил в Италии в районе города Салерно и рассказывал, как самостоятельно в песке

на диком пляже нашел головку богини Геры. Там же он показал нам одни из самых хорошо сохранившихся Греческих храмовых комплексов в Пестуме.

Леонид Ростиславович не боялся рассказывать о тех смешных ситуациях, которые случались с ним по жизни. Забавная ситуация приключилась с ним в Варшаве. Будучи почетным членом Польской противозэпилептической лиги, профессор Зенков регулярно посещал ежегодные польские эпилептологические конгрессы, а так как он достаточно хорошо знал польский язык и бегло на нем разговаривал, то решил читать свой доклад на польском языке. Однако он неточно использовал в польском языке слово «прибор», имея в виду электроэнцефалограф. После употребления этого слова зал буквально грохнул смехом, а после его выступления в кулуарах Леониду Ростиславовичу сказали, что слово «прибор» в разговорной речи используется как, ну вы сами понимаете...

Все коллеги, с которыми Зенков оказывался в поездке в одной группе, рассказывали, как он практически без предисловия мог повествовать о какой-либо веселой ситуации, произошедшей в его жизни. Я не упомянул о том, что Леонид Ростиславович серьезно занимался йогой и по утрам часто выполнял комплекс упражнений. Это случилось в одном из загородных отелей: «Принимая асану – стойка на голове, я не мог избавиться от мысли, что за мной кто-то постоянно наблюдает и осмотревшись по сторонам насколько это возможно стоя на голове, я встретился взглядом с зайцем, взиравшем на меня примерно в 10 метрах поодаль. Конечно в своей жизни заяц такого еще не видывал».

Профессор Зенков был не только заядлым туристом, но и рыбаком. Он рассказывал о своих вояжах с П. В. Мельничуком и другими приятелями в 60-70 годы прошлого столетия в так называемую «ненаселенку», когда на просторах России и СССР они сплавились на протяжении 1-2 недель по различным рекам и могли не встретить ни одного человека на своем пути. Мужской коллектив при длительном нахождении в довольно тесном общении через определенное время приводил к всевозможным столкновениям интересов, порождавшим противоречия, которые потом могли перерасти в ссору. Эти противоречия могли появиться при обсуждении любой проблемы. И для того чтобы этого избежать, Леонид Ростиславович предложил во время сплава читать лекции по той проблеме, которой человек занимался по работе. Таким образом, за время сплава существенно расширился кругозор, так как в состав экспедиции входили медики, конструкторы, физики, математики и представители других специальностей. В конце 80-х – начале 90-х годов эти экспедиции по многим причинам прекратились и Леонид Ростиславович с его туристической натурой очень переживал по этому поводу. Однако благодаря нашим коллегам из Красноярска С. В. Прокопенко и Н. А. Шнайдер

70-летие профессора Зенкова удалось совместить с медицинской конференцией в Красноярске и последующей за ней рыбалкой, которую Леонид Ростиславович практически полностью записал на видео. Начало сентября 2008 г. в Эвенкии было относительно теплым и солнечным (только с ночными легкими заморозками). На свое 70-летие юбиля сам «сервировал стол», приготовив из свежепойманной рыбы «сынчики» (так он называл жареное филе хариуса в кляре) и рассказал веселую историю, когда в 60-е годы он ловил тайменя ночью на мыша: «В абсолютно безлунную ночь мыши копали себе норки в почве и сваливались с крутого берега в воду, чем пользовались крупные щуки и таймени. Так вот, ловлю я тайменя, чувствую поклевку, в полной темноте борьба с рыбой продолжалась больше 15 мин. Мне удалось его подвести к берегу, вытащить руками на пологую песчаную косу и, наконец, посмотреть, какой он длинны!» Тут сработал юмор и рыбацкое преувеличение: «Зажег я спичку и веду от головы к хвосту, спичка прогорела – а он не кончается!» Веселый нрав Леонида Ростиславовича, его неординарность,

Знакомство наше с Леонидом Ростиславовичем произошло еще в 80-е годы XX столетия – в 1983 г. на Международном симпозиуме «Аудиометрия по слуховым вызванным потенциалам» (г. Тбилиси, Грузинская ССР). Нас случайно (но, как известно, случайностей не бывает!) поселили в одном гостиничном номере, хотя мы до этого не были знакомы. Это была счастливая случайность! В то время мы «увлекались» вызванными потенциалами, слуховыми вызванными потенциалами (биоэлектрическими потенциалами слухового аппарата и возможностями их использования в диагностике различных заболеваний ЦНС). Я встретил очень одаренного, исключительно талантливого, неординарного ученого с удивительной аурой, генетически детерминированного интеллигента, в то же время человека простого, доходчивого и доброго!

И эти впечатления с каждой последующей встречей становились все более яркими и многогранными. Нас «объединяли» эпилептология и пароксизмальные состояния, клиническая нейрофизиология, встречи на Международных конгрессах, симпозиу-

Леонид Ростиславович Зенков! Счастье, что он был! Далеко не о каждом человеке можно утверждать, что он личность. Леонид Ростиславович был, несомненно, личностью, в которой поражает всё, но, пожалуй, больше всего – масштабность! При этом физические влечения (и свершения!) сочетались с интеллектуальными. Диапазон его масштабности: «водяное» направление – рыбалка, подводное плава-

полное отсутствие показной академичности позволяет вспомнить множество юмористических ситуаций, в которых Леонид Ростиславович либо его друзья были главными действующими лицами и описание которых заняло бы еще несколько страниц.

Интерес к изучению иностранных языков, как он сам рассказывал, проявился у Зенкова в то время, когда он находился на длительном лечении в пульмонологии в 60-е годы прошлого столетия и за это время выучил испанский язык. В больничной палате находился коренной испанец, который был рад возможности поговорить на родном языке, а Леонид Ростиславович получал разговорную практику.

Зенкова характеризовала высокая работоспособность: до глубокого вечера он просиживал в своем кабинете, прорабатывая новый материал для доклада, статьи, новой книги, консультируя пациентов.

В Леониде Ростиславовиче совершенно не чувствовался его возраст, поэтому даже не верится, что ему бы сейчас исполнилось уже 80 лет!

Профессор П. Н. Власов

мах, Гурзуфских конференциях по нейрофизиологии и эпилептологии.

Выступления Леонида Ростиславовича, всегда доступные для широкой аудитории, отличались исключительным профессионализмом, особым изяществом, творческим подходом и, безусловно, опирались на глубокие научные и практические знания.

Профессор Л. Р. Зенковым был членом Правления Российской Противозепилептической Лиги, членом редакционного совета журнала «Эпилепсия и пароксизмальные состояния». Многолетняя совместная работа по этим направлениям была для меня удивительно полезной, многогранной, светлой. Спасибо тебе, низкий поклон...

Леонид Ростиславович ушел от нас несправедливо рано, в самом расцвете своих творческих сил и возможностей. Мы потеряли неординарного человека и крупного ученого, выдающегося отечественного невролога, эпилептолога, клинического нейрофизиолога, друга...

Профессор Г. Н. Авакян

ние, байдарка и преодоление бурных рек. «Каменное» направление – наскальная живопись, клинопись. «Археологическое» направление – «раскопки» на «блошином рынке». Чего только он там не раскапывал – от антиквариата до черепа, размеченного по Ламбозо! Ещё одно направление – «языковое», у Леонида Ростиславовича были способности к языкам: стоило ему «покантоваться» несколько дней в той или иной стра-

Леонид Ростиславович Зенков: воспоминания коллег

не, как он уже «входил в язык»! И самое главное направление — нравственное: его интеллигентность и абсолютная порядочность. Вспоминая слова замечательного, недавно ушедшего от нас, российского

Я благодарна судьбе за то, что в моей жизни был Леонид Ростиславович Зенков. В нем органически сочетались интеллект, профессиональный талант, любовь к жизни. Его нельзя с кем-то спутать, забыть. Леонид Ростиславович не боялся «авторитетов», не подстраивался и не приспособливался, особенно если это касалось его профессиональной точки зрения. Он без преувеличения лучше всех знал ЭЭГ, ее диагностическую и прогностическую значимость, всегда был в курсе новых научных достижений российских и зарубежных исследователей в неврологии, умел отстаивать эмоционально и аргументировано свою точку зрения. Его монографии, научные статьи,

Леонида Ростиславовича Зенкова я вспоминаю часто и с большим удовольствием. Я не была его близкой знакомой и много о его жизни не знаю. Но нам довелось часто вместе путешествовать по стране и миру в компании наших общих коллег. Он всегда вызывал у меня позитивное и радостное чувство при встрече. Мне представлялось, что это самый естественный из знакомых мне людей, он никогда не старался выглядеть значительным и в общении был чрезвычайно прост. Но сам Леонид Ростиславович был не простым, а очень оригинальным человеком, совершенно не похожим на окружающих. Мне кажется, что он очень старался быть человеком свободным и вне какой-либо системы. Возможно, что его абсолютно творческая натура не терпела никакой формализации и усреднения. Оригинальность его мыслей и поступков приводила к тому, что он часто становился героем многочисленных устных рассказов. Стоит только вспомнить историю о том, как он читал доклад, стоя на голове на пляже Гурзуфа. Благодаря авантюрной составляющей характера Леонида Ростиславовича, многие из моих коллег (в том числе и я) побывали в незабываемых местах. Именно он настоял на том, чтобы во время пребывания в Китае мы сначала безумно долго карабкались в гору, а потом сплавлялись на плоту. Он сказал, что быть в Китае и не сплавиться по реке, невозможно. Это был что-то! Женщины его просто обожали за его ум, обаяние и умение делать нетривиальные комплименты (некоторые из них

Леонид Ростиславович Зенков был первым и, пожалуй, единственным специалистом в «Клинической нейрофизиологии» в нашей стране. Многие, кто прочтёт эти строки, удивятся, а некоторые даже обидятся, так как специалистов по энцефалографии в нашей стране очень много, но из них крайне мало тех, кто кроме расшифровки энцефало-

поэта Е. А. Евтушенко, можно сказать, что Леонид Ростиславович был «светильником»!

Профессор В. А. Карлов

доклады на конференциях всегда были востребованы, вызывали интерес у ученых и практических врачей. В них отражались теоретические, практические данные и собственные наблюдения. Леонид Ростиславович любил жизнь во всех ее проявлениях, в неформальных встречах был душой компании, шутил, хорошо танцевал. В поездках всегда искал «блошные» рынки, его интересовал антиквариат. Леонид Ростиславович не боялся жить так, как считал нужным. Эта черта характера проявлялась как в профессии, так и в его образе жизни.

Профессор В. И. Гузева

я до сих пор помню, как непревзойденные образцы). Наверное, нас всех привлекало и его доброжелательное чувство юмора. По-моему мнению, последнее десятилетие его жизни было для него счастливым, по крайней мере, я воспринимала его счастливым человеком. Он был в прекрасной физической форме, не свойственной его возрасту, периодически я видела его в зарубежных поездках либо бегающим по утрам, либо принимающим различные йоговские асаны. Помню, как в Иерусалиме мы опаздывали на ужин, и я пыталась догнать Леонида Ростиславовича с подругой, которые резво бежали впереди. Ничего у меня не вышло, при том, что я лет на 20 была его моложе. Это заставило меня задуматься о собственных физических возможностях и мотивировало регулярно ходить в бассейн. У него были прекрасные друзья, любящая и любимая подруга, дом (квартира, покупке которой он чрезвычайно радовался), много учеников, симпатии и уважение коллег. Леонид Ростиславович был прекрасным рассказчиком, и я хорошо помню один из его рассказов. За несколько лет до смерти, он был в Бурятии в дацане. Местный святой сказал ему, что он уже выполнил свое предназначение на Земле, и скоро завершит свой путь. А в будущем воплощении у него будет чрезвычайно важная миссия — спасение мира. Зная Леонида Ростиславовича, не удивлюсь, если все случится именно так.

Профессор Е. Д. Белоусова

грамм, прекрасно бы знал и клинику заболеваний нервной системы и, в частности, эпилепсию, при которой метод энцефалографии является основным и решающим в диагностики её форм. Возникло такое положение в связи с тем, что в нашей стране, собственно говоря, родины нейрофизиологии, до сих пор нет специальности «клиническая нейрофизио-

логия», а подготовка специалистов ведётся по общей специальности «функциональная диагностика», в программе которой электрофизиология нервной системы занимает очень скромное место, несмотря на то, что мозг является высшим уровнем эволюционного развития всего живого на Земле. В основном в этой подготовке уделяется внимание технике наложения электродов и изучению формы и амплитуды биологических ритмов, в отрыве от клиники, да и организационно эти лаборатории в большинстве лечебных учреждений существуют обособленно. Так вот Леонид Ростиславович работал непосредственно в клинике нервных болезней тогда ещё 1-го Московского медицинского института, клиники очень богатой традициями высшей медицинской школы, основателями которой являлись такие знаменитые врачи и ученые как А. Я. Кожевников и Г. И. Россолимо, имена которых известны всему миру. Сам по себе Леонид Ростиславович был очень общительным и разносто-

Мое знакомство с Леонидом Ростиславовичем началось заочно с его учебника «Функциональная диагностика нервных болезней», написанного совместно с М. А. Ронкиным. С самого начала медицинской карьеры эта книга постоянно лежала на моем рабочем столе с многочисленными пометками «NB!» карандашом на полях. «Запомни лучше» помечал я практически каждую страницу! Много позже я познакомился уже очно с авторами – корифеями и основоположниками функциональной диагностики в нашей стране.

Мое первое впечатление молодого врача при общении с Леонидом Ростиславовичем: «Какой простой, скромный и умнейший человек». В дальнейшем стало понятно, что первое впечатление как нельзя точно угадало облик этого замечательного человека, врача и ученого. Сейчас, когда Леонид Ростиславович ушел, стало очевидно, что для многих людей он был настоящим другом, для многих врачей – учителем, гуру. Человек чрезвычайной широты и глубины взглядов, энциклопедических знаний, Леонид Ростиславович одинаково просто мог обсуждать проблемы ЭЭГ, диагностики эпилепсии, а также поэзию, кинематографию, минералогии, породы собак и лошадей и многое, многое другое. Он был интереснейшим собеседником, сообщая факты, высказывая свое мнение, но никогда не навязывая его другим.

Уже подрастая как врач и ученый, постепенно «пробуя свои силы», я часто вступал в полемику с Леонидом Ростиславовичем. Почему так происходило? Просто потому, что я отлично знал, что в отличие от других корифеев, он никогда не унижит молодого врача, не назовет публично его вопросы глупыми, и это было безопасно! Помню, как в детской психиатрической больнице я осматривал больного эпилепсией и проводил анализ его ЭЭГ: во время сна я отметил несколько разрядов типичной эпилептиформной активности.

ронне образованным человеком, обладавшим и доброжелательностью, и хорошим юмором. А ведь по выражению Нобелевского лауреата П. Л. Капицы, «большая наука с серьезными лицами не делается». Прекрасно разбираясь в электроэнцефалографии и досконально зная клиническое разнообразие проявлений эпилепсии, Леонид Ростиславович легко вступал в дискуссию со специалистами мирового уровня, так как всегда участвовал в международных конгрессах по эпилептологии. Труды Л. Р. Зенкова являются основными в подготовке специалистов. Кроме своей специальности, он очень хорошо знал литературу, изобразительное искусство и при посещении городов других стран всегда интересовался историей страны и её архитектурой. К сожалению, людей такого уровня образованности и интеллигентности становится все меньше и меньше.

Профессор А. С. Петрухин

Каково же было мое изумление, когда Леонид Ростиславович спокойно заключил: «Да это же типичная гипнагогическая гиперсинхронизация!» Много лет спустя, став одним из авторов Атласа по ЭЭГ, я вспоминал этот случай и ту деликатность, которую проявил ко мне Леонид Ростиславович. Вообще, мы много с ним спорили, и это было здорово: ДЭПДы или ДЭРДы, генерализованные или псевдогенерализованные приступы, когнитивная эпилептиформная дезинтеграция или приобретенный эпилептический нейропсихологический синдром. Классика жанра для каждого эпилептолога!

Леонид Ростиславович был очень спортивным человеком, это знают все друзья. Вспоминаю нашу командировку в Алма-Аты. В субботу нас повезли в горы кататься на лошадях. Он свободно, буквально вскочил, на огромного коня и поскакал, как профессиональный наездник. Я же предложил смотрителю денег за то, чтобы мне выдали самого низенького коня! Мне привели спокойную небольшую лошадку, которая мирно шла вперед, пощипывая по дороге траву. Леонид Ростиславович несколько раз возвращался ко мне, контролировал, все ли в порядке, беспokoился. В итоге мне потребовалось в три раза больше времени, чтобы преодолеть путь, и в добавок «отваливалась» спина. А Леонид Ростиславович, спешившись, ждал меня, подпрыгивая и разминаясь на траве. А был он в то время, уже весьма пожилым человеком! Когда я возвратился, он воскликнул: «Ну давайте же вместе фотографироваться!».

Большое видится издали. Сейчас, когда Леонид Ростиславовича нет с нами, мы с грустью и необыкновенным теплом вспоминаем его. С нами его книги, гипотезы, цитаты. И они очень актуальны сейчас!

Профессор К. Ю. Мухин

В 90-х годах прошлого столетия мне посчастливилось работать над кандидатской диссертацией под руководством двух научных руководителей – поистине великих ученых: Владимира Алексеевича Карлова (он руководил клинической частью работы) и Леонида Ростиславовича Зенкова (он курировал нейрофизиологический аспект). Леонид Ростиславович, несмотря на загруженность, находил время, чтобы обсуждать со мной (в то время аспиранткой) электроэнцефалограммы сложных пациентов, которые я привозила ему в большом количестве, обучать меня клинической нейрофизиологии, за что я ему безмерно благодарна. В 90-е «перестроечные» годы, когда только зарождалась компьютерная эра, он создал и успешно внедрил

Мы его между собой называли «отец русской энцефалографии». К ЭЭГ он относился как к женщине, не раз называл её «графиня».

Л.Р. Зенков был очень талантливый человек во всем. Я не буду здесь рассказывать о его профессиональных заслугах, он умел всё! Знал 10-12 (точно не знаю) иностранных языков, умел делать коньяк собственной рецептуры, был уникальным эрудитом во всех отраслях знаний, в том числе искусстве, истории, следил за своим здоровьем, занимался йогой и в то же время не был чужд радостей жизни. Мы познакомились с ним в 1998 г., пригласили его в нашу клинику консультантом, когда впервые купили оборудование для видео-ЭЭГ-мониторинга. После этого мы тесно сотрудничали много лет.

Приведу несколько воспоминаний, связанных с Л.Р. Зенковым.

Конец 90-х, мы едем на поезде в Гурзуф (Крым) на всем известную ежегодную конференцию, организованную Л.Р. Зенковым и Е.В. Глориозовым. В поезде много делегатов, знающих друг друга, компании сидят по разным купе, выпивают, закусывают. На очередной остановке мы выходим «подышать» – покурить. Я вижу Зенкова, который легкой трусцой пробегает мимо нас вдоль поезда. Пока мы «дышали», он пробежал мимо нас несколько раз вдоль всего состава. Так было на каждой остановке. Мне стало стыдно...

Мы в Крыму на очередной конференции. Большинство делегатов женского пола, особенно молодых, собирались вокруг Л.Р. Зенкова. Закончились заседания и мы большой компанией пошли на берег отдохнуть, развеемся. Кто-то предложил в ресторан. А напротив великолепные скалистые Адалары. Тут Зенков всем объявляет: «Я вас сейчас научу готовить мидии». Конечно, все согласились. Он начал давать распоряжения: достаньте лодки, найдите на берегу лист железа, нырять за мидиями будут Власов П.Н. и Айвазян С.О., плывем на Адалары! На двух лодках поплыли на Адалары. Леонид Ростиславович выдал

в практику компьютерную программу по ранней диагностике эпилепсии «Эпидавр» на основе клинико-электроэнцефалографических индексов эпилептичности, которая с математической точностью позволяла рассчитывать риск развития эпилепсии у пациентов, перенесших единичный припадок и у других лиц с пароксизмальными расстройствами сознания; задолго до появления соответствующих рекомендаций Международной Противоэпилептической Лиги. Теперь я абсолютно уверена в том, что Леонид Ростиславович не только шагал в ногу со временем, но и опережал его. Как жаль, что он так рано ушел от нас!

Профессор И.А. Жидкова

нам строительные матерчатые перчатки и мы с Павлом Николаевичем наловили множество мидий, почти «половина лодки» была заполнена уловом. На берегу развели костер, ржавый лист железа – на огонь, бросаем мидии на раскаленное железо, а затем раскрывшиеся с неопишным удовольствием поглощаем под белое вино и искренние разговоры. Не нужно никаких специй и соли! Это рецепт мидий по-Зенковски! Мы все, особенно девушки, были в восторге. Тот великолепный вечер, думаю, запомнили все. Леонид Ростиславович был очень романтичный человек, способный на любовь до конца своих дней.

У Зенкова была своя система изучения иностранных языков, которой он меня пытался обучить. Насколько я помню, там были две составляющие. Первое – это чтение абсолютно непонятного тебе текста ежедневно по 5 страниц. Он считал, что так можно «погрузиться в язык». Второе – запоминание слов. Слова выписывались на бумажки формата спичечного коробка. С одной стороны слово, с другой – перевод. Бумажки помещались в спичечный коробок, который должен был быть всегда в кармане. Едешь ли ты в метро или стоишь в очереди, чего-то ждешь, коробок всегда с тобой и ты повторяешь слова. Вместо уже запомнившихся слов добавляешь новые. В день необходимо запоминать по 5 слов. Как-то он рассказал нам с Д.А. Харламовым, что лежа в больнице за пару месяцев сносно выучил греческий язык, так как предстояла поездка в Грецию, о которой расскажу далее. Как вы сами понимаете, при такой системе изучения языка необходимы два качества – это невероятная настойчивость и умение четко распланировать свой день соответствующим образом. Такие качества были у Зенкова. К сожалению, со мной этот эксперимент не удался...

Поездка в Грецию. Как-то с товарищем (тоже профессор, по моему, искусствовед) Зенков решил провести отпуск в Греции. Любой из нас, наверное, купил бы тур и поехал спокойно отдыхать. Но мы ведь здесь говорим о Зенкове! Леонид Ростиславо-

вич решил, что это должна быть этнографическая экспедиция, без всяких удобств и удовольствий, придуманных цивилизацией. В качестве транспортного средства использовали байдарки. Профессора заранее связались с консулом по культуре греческого посольства, пояснили, что собираются изучать культурное наследие Греции и заручились его поддержкой в виде верительной грамоты! За месяц они на байдарках обогнули значительную часть побережья Греции, питались апельсинами, инжиром и другими фруктами, в изобилии растущими на побережье. Однажды они выловили из моря пакет хорошо сохранившегося молока, радовались как дети такому деликатесу и с наслаждением выпили, ведь много дней им приходилось питаться только расти-

тельной пищей. Естественно изучалось и культурное наследие. По рассказам Зенкова, они посетили множество никому неизвестных православных храмов, составили их описание. Об этой поездке у Леонида Ростиславовича имеется любительский фильм.

Как видите, каждый из нас мог бы сделать свою жизнь яркой, интересной, разнообразной, но далеко не всем это удастся. Нужны невероятные романтичность, фантазия, способность мечтать и умение воплотить мечту в жизнь. Такими удивительными талантами был наделен наш с вами современник Леонид Ростиславович Зенков.

Профессор С. О. Айвазян